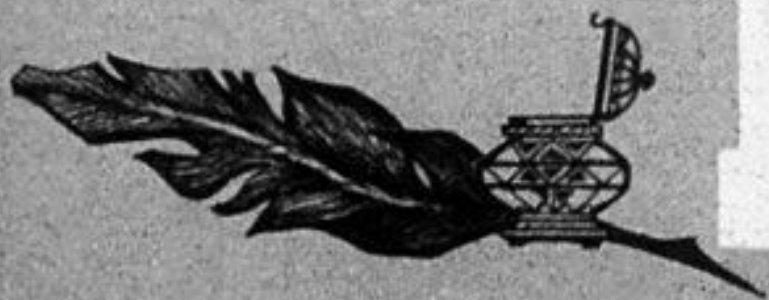

студия
ДИАФОНФИЛЬМ

Михаил Евграфович

Салтыков-

Щедрин

К сведению учителя.

Данный диафильм состоит из трёх фрагментов:

- 1) В борьбе за гражданственность литературы;
- 2) Сатира, исполненная гнева и печали;
- 3) «Виртуоз художественно-сатирической формы».

В первом фрагменте характеризуются эстетические взгляды Щедрина. Во втором и третьем — на материале романа «История одного города» раскрываются идейная направленность и художественное своеобразие сатиры писателя.

Для самостоятельной работы частично используются сказки.

Первый фрагмент предназначается для вступительного занятия по данной теме, второй и третий — для закрепления материала после знакомства учащихся с произведениями. Вопросы для самостоятельной работы даются в конце каждого фрагмента.

Фрагмент I.

**В борьбе
за гражданственность литературы.**

*„...Я не только литератор, но
и журналист, человек партии“.*

A handwritten signature in cursive script, likely belonging to the Russian poet Alexander Pushkin, written in black ink on a white background.

М. Е. Салтыков-Щедрин!.. Человек, немало сделавший для родной литературы и горячо любивший её. «Я страстно и исключительно предан литературе; нет для меня образа достолюбезнее, достохвальнее, дороже образа, представляемого литературой»,—писал он.

Но глубочайшее уважение и почтительность вызывают у Щедрина лишь те писатели, которые «...оказали русскому самосознанию услуги неоцененные». К таким художникам он относит прежде всего Гоголя.

Вместе с редакцией журнала «Современник» Щедрин решительно выступает против искусства, лишённого общественного содержания, беспощадно высмеивает легковесную «мотыльково-чижиговую поэзию».

«Много есть путей служить общему делу, но смею думать, что обнаружение зла, лжи и порока также не бесполезно, тем более, что предполагает полное сочувствие к добру и истине»,—

утверждает автор «Губернских очерков».

Действенное средство борьбы с общественным злом — осмеяние его. «Это оружие очень сильное, — писал Щедрин, — ибо ничто так не обескураживает порока, как сознание, что он угадан и что по поводу его уже раздался смех». По мнению Щедрина, Гоголь мастерски владел этим оружием.

Иллюстрация к «Ревизору».
—«Чему смеётеесь? над собою смеётесь!..»

Но острière сатиры должно быть направлено против «самых характеристических явлений». К числу их Щедрин относит «язву либерализма, язву празднословия, язву легкомыслия».

Либерал-эквилибрист.

И эти явления достойны самого гневного осмеяния. Щедрин отстаивает право сатирика на «порицательное отношение» к социальным язвам.

Иллюстрация к сказке «Либерал».

Но «чтоб сатира... достигала своей цели, — поясняет Щедрин, — надобно... чтоб она давала почувствовать читателю тот идеал, из которого отправляется творец её, и...

чтоб она вполне ясно сознавала тот предмет, против которого направлено её жало».

Щедрин убеждён, что «...писатель, которого сердце не переболело всеми болями... общества... едва ли может претендовать в литературе на значение выше посредственного и очень скоропреходящего».

В какой обстановке Щедрин отстаивал свои взгляды? Представление об этом даёт аллегорическая картина, которая, по словам Щедрина, «...так сходственно и с обстоятельством дела согласно изображает существо вещей».

Фрагмент 2.

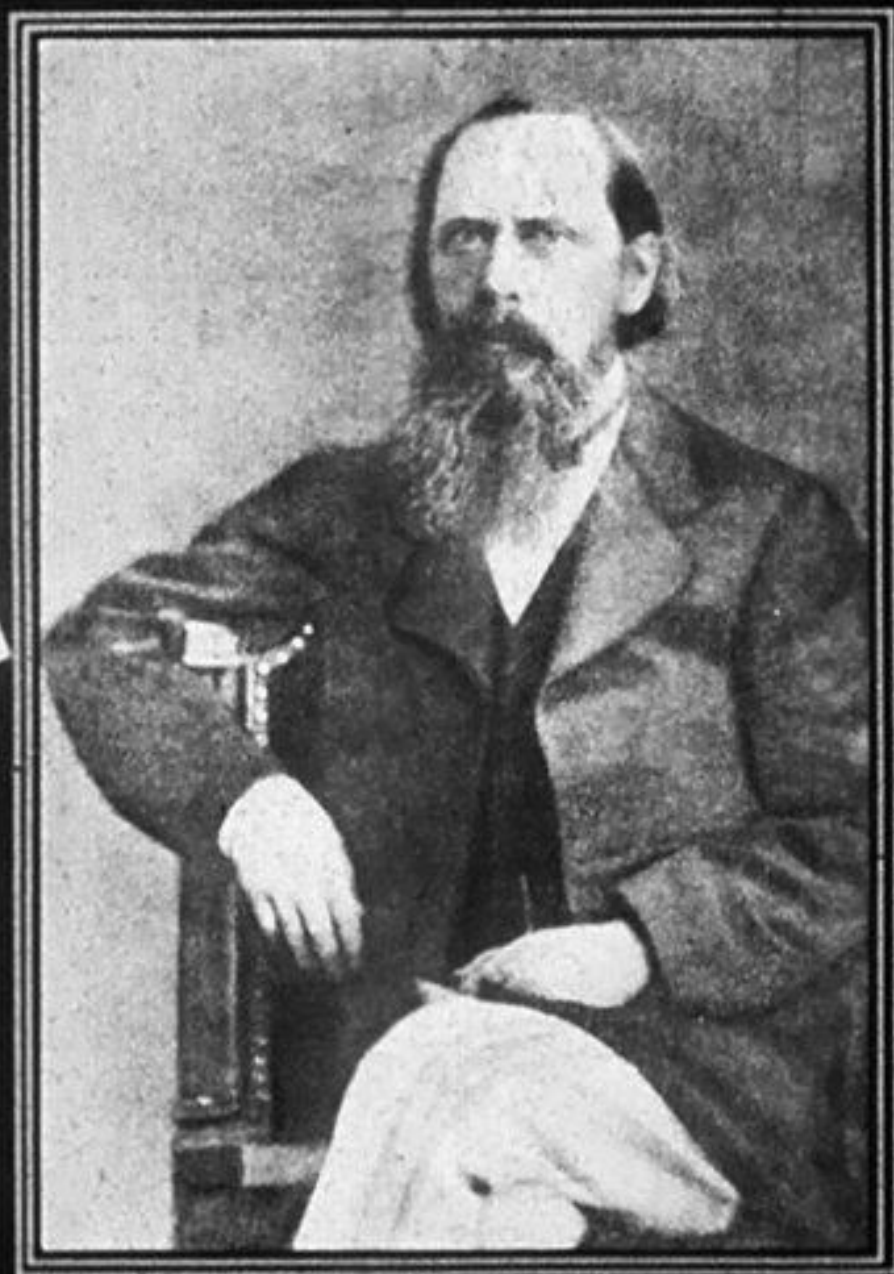
Сатира, исполненная гнева и печали.

„Никто... не карал наших общественных пороков словом более горьким, не выставлял перед нами наших общественных язв с большею беспощадностью“.

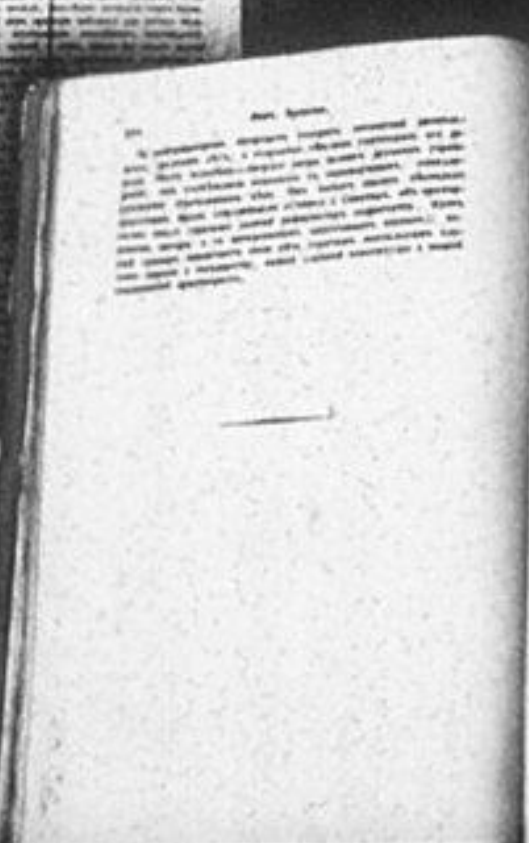
Н. Чернышевский.

Публицист М. Салтыков доказывал правомерность и важность социальной сатиры; писатель Н. Щедрин (его псевдоним) давал непревзойдённые образцы её.

Одно из лучших сатирических произведений Щедрина — «История одного города» (1869—1870 гг.). Как же реализовано в этом романе то понимание сатиры, которое отстаивал писатель?

Пфейфер

Маркиз де Санглот

Перехват-Залихватский

Самодержавная власть... Одна из «самых характеристических» социальных язв России. Носителями её в романе являются знаменитые глуповские градоначальники. Чем же они знамениты?

Негодяев

Например, бравым видом, ясным взглядом на жизнь. *«Натиск... и притом быстрота, снисходительность, и притом строгость. И притом благоразумная твёрдость»* — девиз одного из глуповских градоправителей — Баклана.

Другой, менее говорливый, но тоже очень деятельный градоначальник, — Брудастый. «Он прискакал в Глугов, как говорится, во все лопатки... и едва вломился в пределы городского выгона, как тут же... пересек уйму ямщиков».

Правление Брудастого—яркая страница в истории Глупова. *«Неслыханная деятельность... закипела во всех концах города; частные пристава поскакали; квартальные поскакали... Хватают и ловят, секут и порют, описывают и продают...»*

Времена Органчика.

Ещё один расторопный, инициативный администратор—Василиск Бородавкин. «Днём он, как муха, мелькал по городу, наблюдая, чтоб обыватели имели бодрый и весёлый вид; ночью—тушил пожары, делал фальшивые тревоги и вообще заставлял врасплох».

Градоначальство Бородавкина «...было самое... блестящее. Предводительствовал в кампании против недоимщиков, причём спалил тридцать три деревни и, с помощью сих мер, взыскал недоимок два рубля с полтиною».

Самый ревностный блюститель общественного порядка—Угрюм-Бурчеев. Ни один глуповский градоправитель не отличался столь внушительной внешностью: «...*челюсти развитые... с каким-то необъяснимым букетом готовности раздробить или перекусить пополам*».

«Два одинаково великих подвига предстояли ему: разрушить город и устранить реку». Правда, образумить водную стихию Угрюм-Бурчееву не удалось, зато первым «подвигом» он затмил всех своих предшественников.

Разнообразны административно-воспитательные меры градоначальников: одни секут с рассмотрением, другие—без, третьи руководствуются «Уставом о неуклонном сечении». Но основной девиз глуповских правителей остается неизблемым.

«...Чистейший тип идиота, принявшего какое-то мрачное решение и давшего себе клятву привести его в исполнение» — так Щедрин характеризует самого целеустремленного и «мудрого» политика — Угрюм-Бурчеева. Кажется бы, авторская позиция очень далека от беспристрастности.

Однако реакционная критика попыталась извратить написанное Щедриным. «В «Вестнике Европы» мою книгу учтиво обругали... — не видно, дескать, какие у него политические и общественные убеждения, а остроумие, мол, есть. Писал эту труху развязный малый Суворин...»

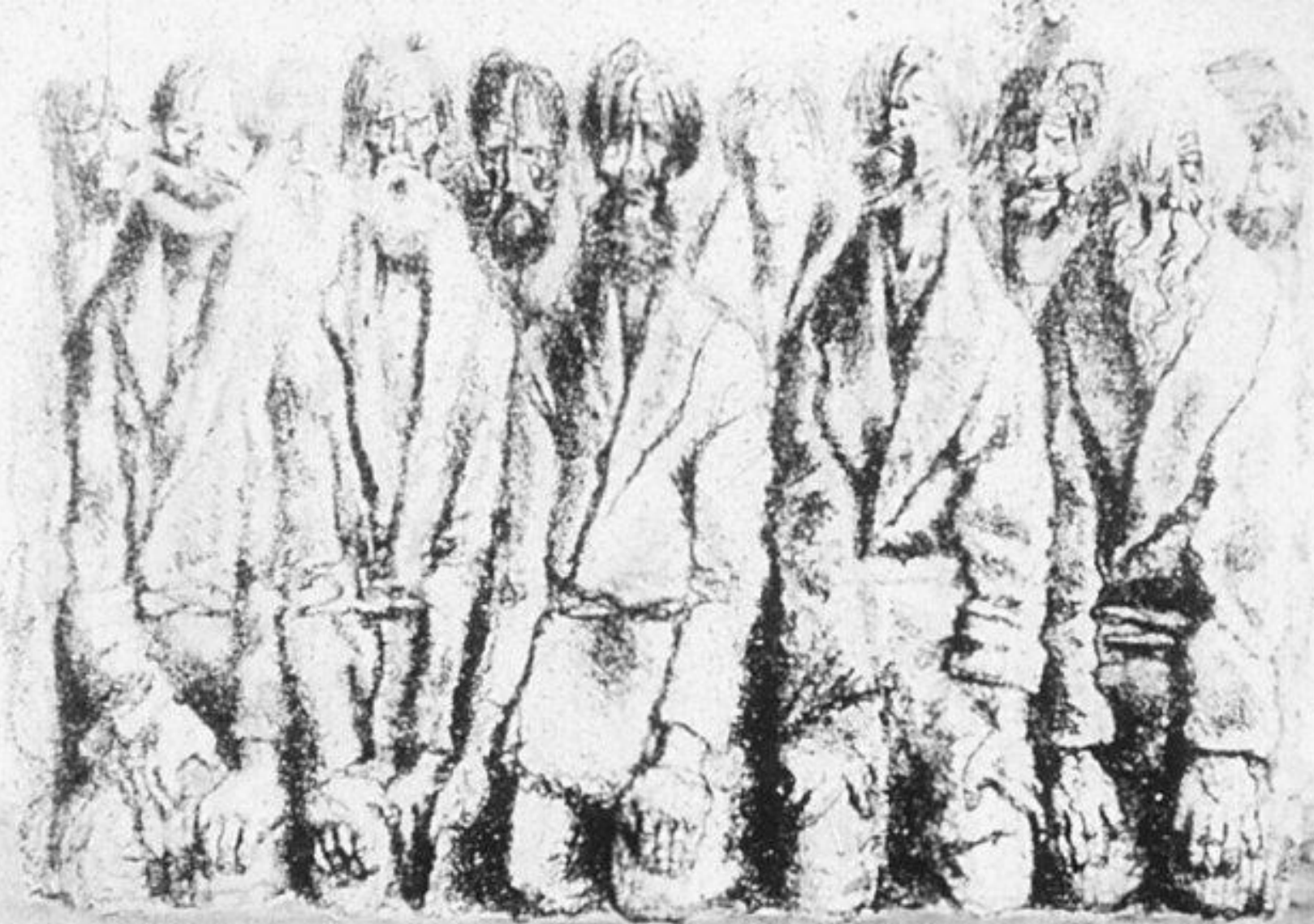

Карикатура на Суворина.

Одно из главных обвинений, предъявленных Щедрину, — «фальшивое отношение... к народу», глумление над ним. Но так ли это?

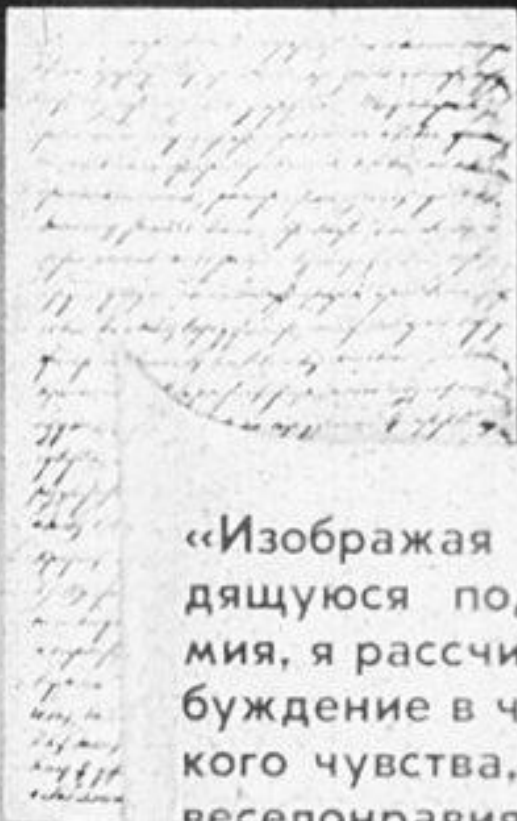
Да, Щедрин без всякой снисходительности рисует долго-терпение народное, «энергию бездействия»: „А глуповцы стояли на коленях и ждали. Знали они, что бунтуют, но не стоять на коленях не могли“.

Народу, «выносящему на своих плечах Бородавковых, Бурчеевых и т. п., — писал Щедрин, — я, действительно, сочувствовать не могу».

С какой же целью писатель показывает трепет обывателей перед начальством?

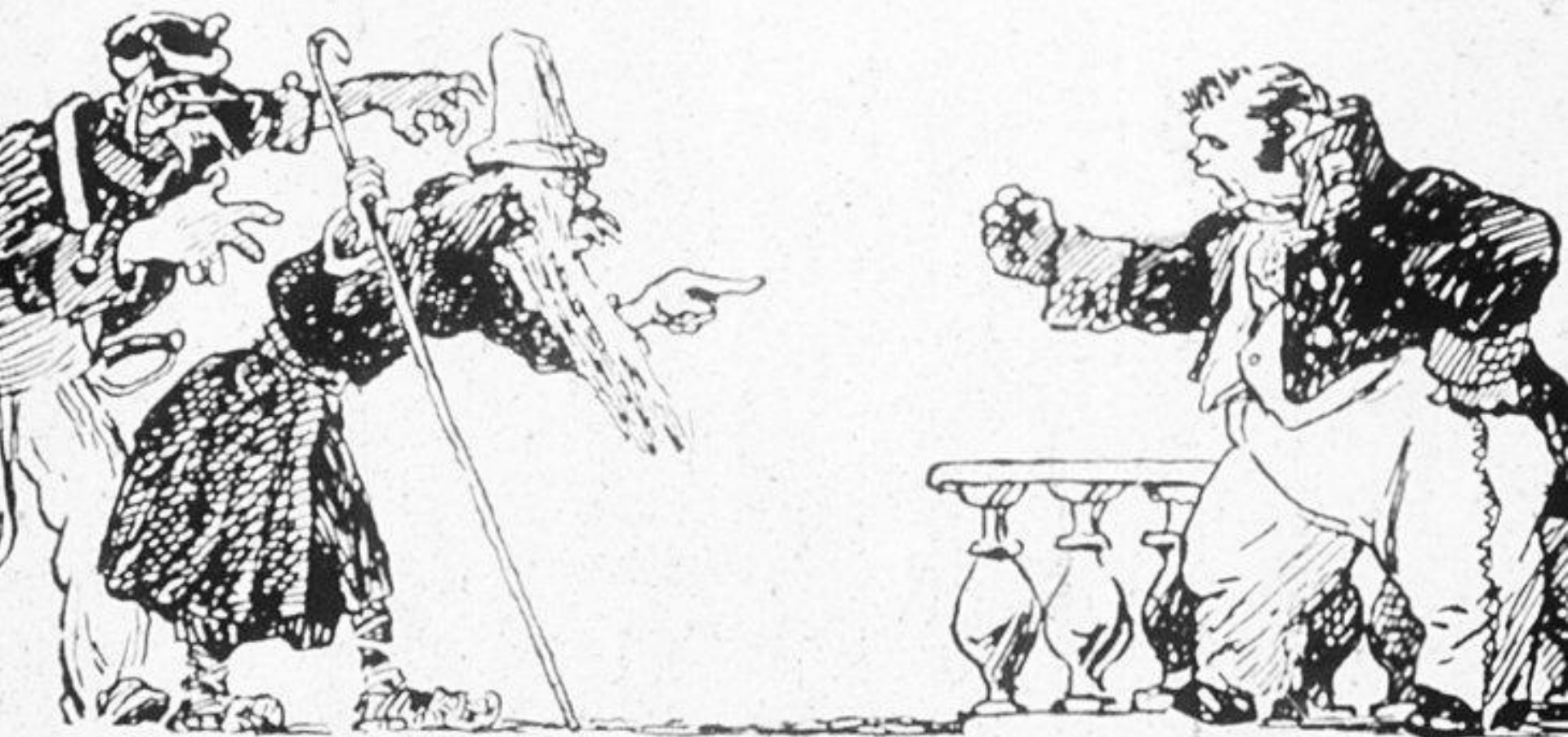
Бородавкин и глуповцы.

«Изображая жизнь, находящуюся под игом безумия, я рассчитывал на возбуждение в читателе горького чувства, а отнюдь не веселонравия», —

пояснял автор «Истории одного города».

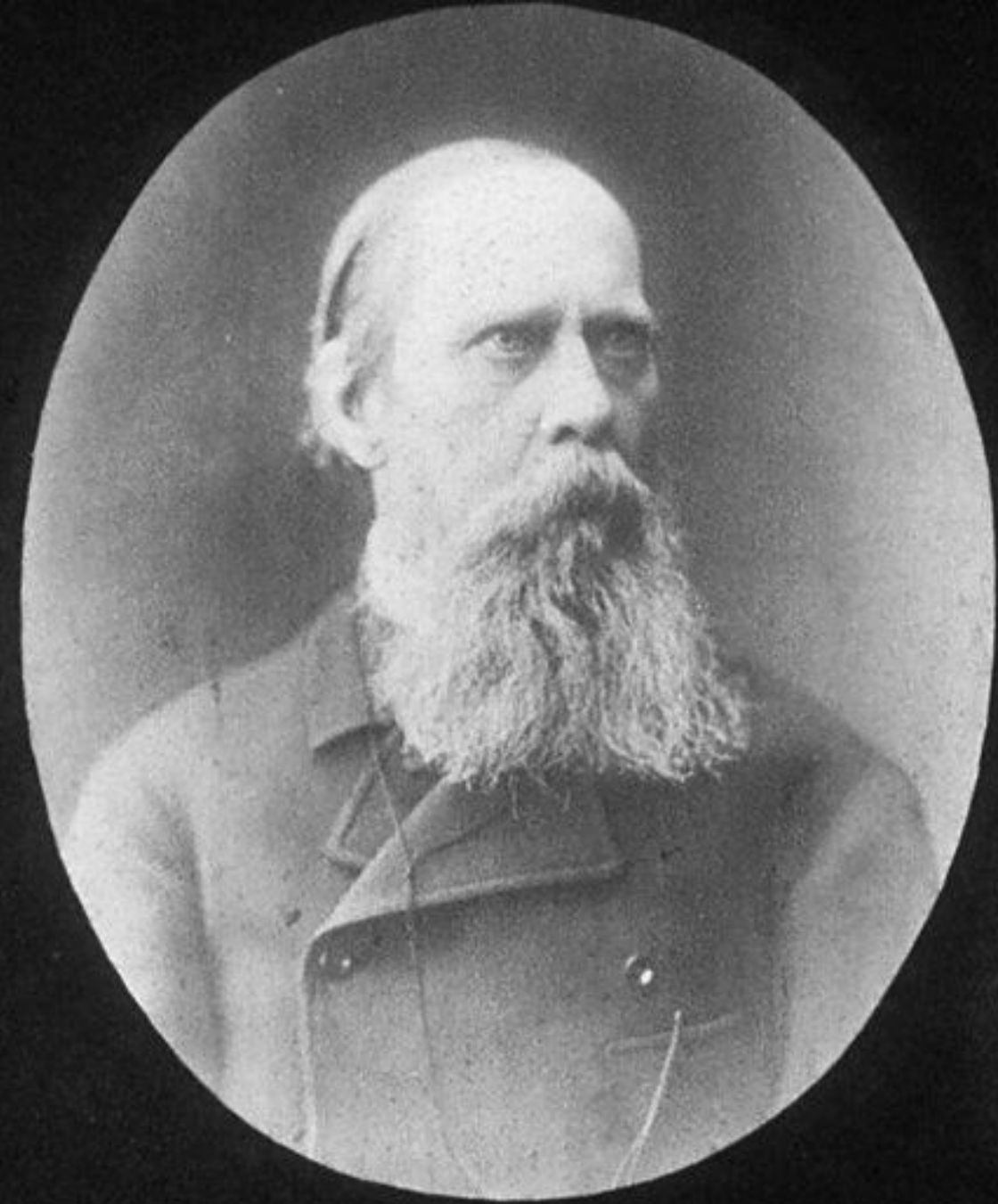
С несомненной симпатией обрисованы в романе попытки горожан «выйти из состояния бессознательности».

Ходок Евсеич искушает Фердыщенко.

Оптимистичен финал романа, показывающий постепенное прозрение народа.

„Прохвост (Угрюм-Бурчеев)... раздражал, но не пугал... Мысль, что шагание бессрочно, что в идиоте таится какая-то сила, которая цепенит умы, сделалась невыносимой“.

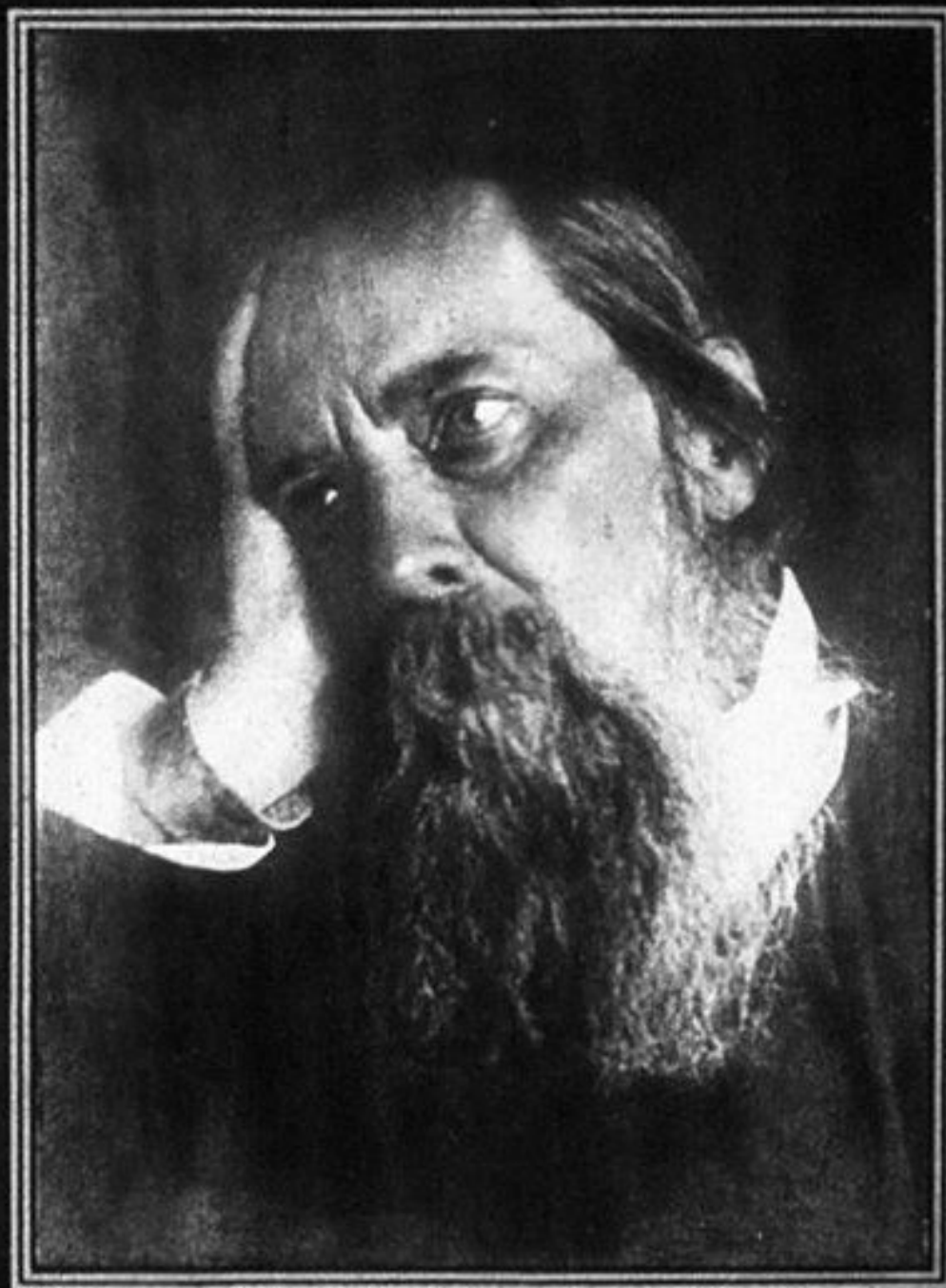

«Прокурор русской общественной жизни и защитник России от врагов внутренних» — так демократический журнал «Искра» охарактеризовал автора «Истории одного города».

**«Я люблю Россию до боли
сердечной...»**

Н. Щедрин.

**Почему автор «Истории
одного города» имел пол-
ное право на такое утвер-
ждение?**

Фрагмент 3.

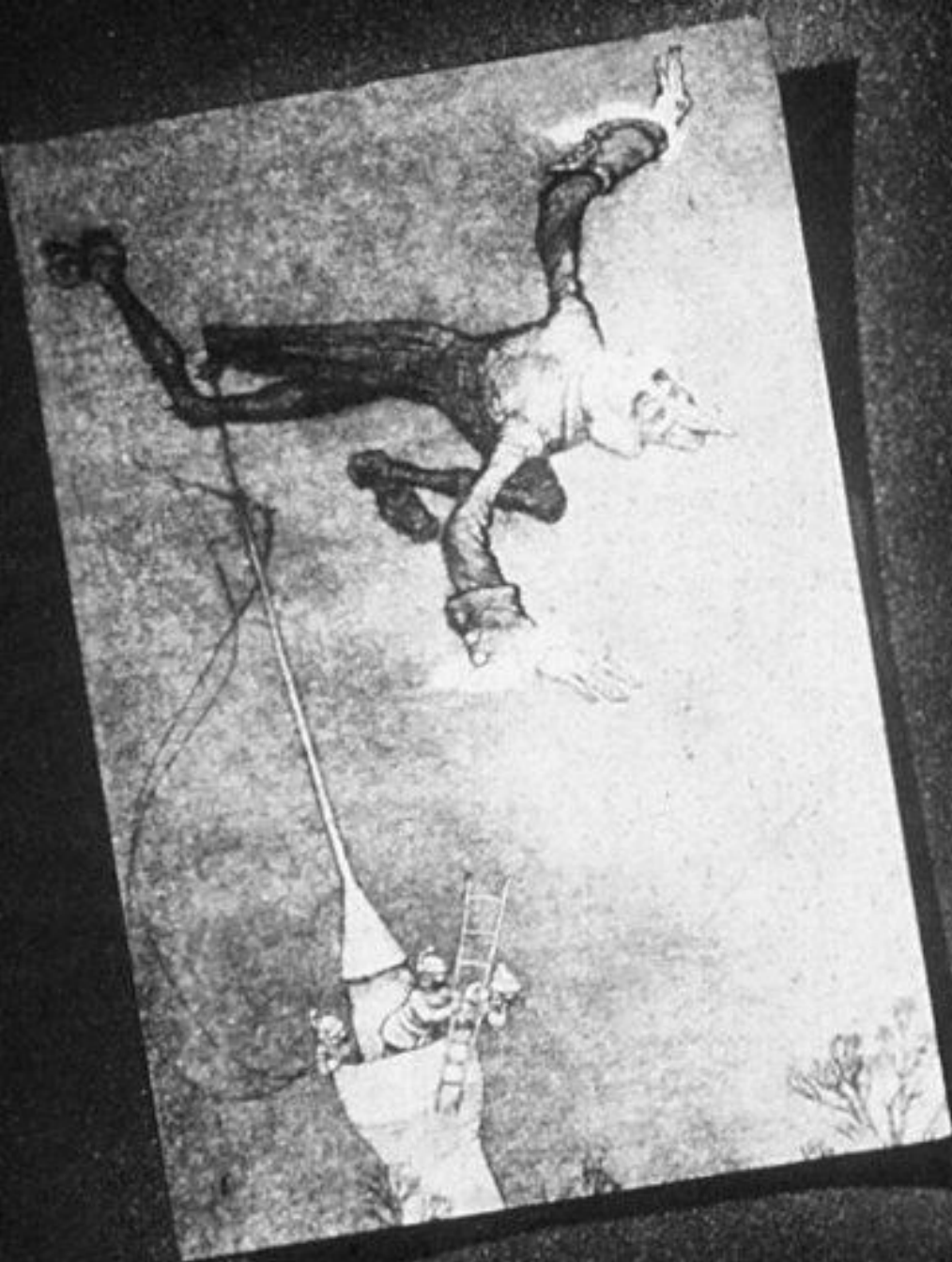
«Виртуоз художественно-сатирической формы».

А. Луначарский.

С помощью каких средств Щедрин добивается выразительности сатирического разоблачения пороков?

Градоначальники-куклы.

Писатель не останавливается перед самым смелым преувеличением, широко использует приём гротеска. Так, легкомысленный маркиз де Санглот витает в облаках и однажды „чуть было не улетел совсем, как зацепился фалдами за шпич, и оттуда с превеликим трудом снят“.

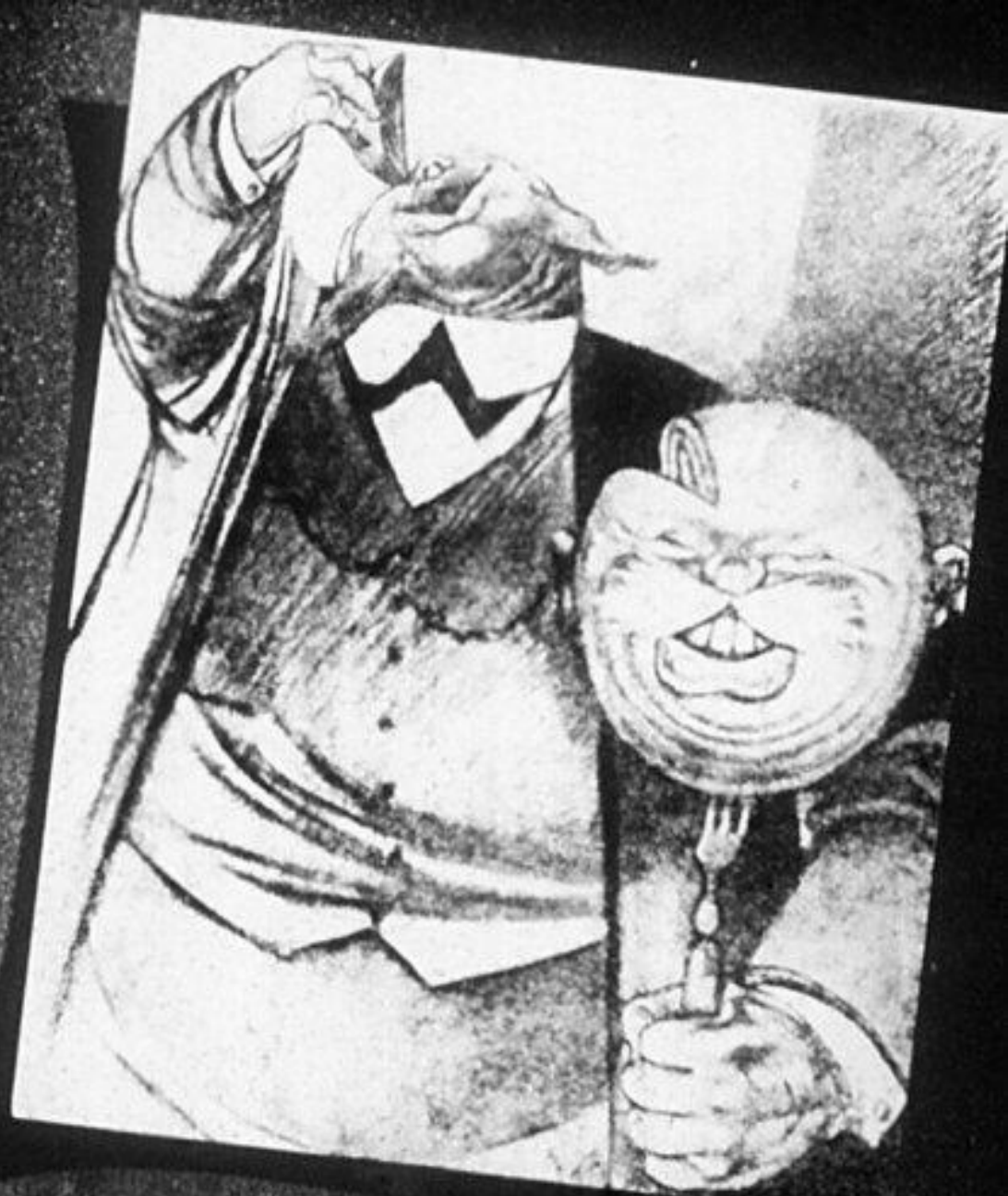
Ограниченные градоначальники в изображении Щедрина становятся безмозглыми. У одних вместо настоящей головы органчик, наигрывающий всего две короткие пьески: «Не потерплю!» и «Раззорю!» Причём этот механизм легко отделяется от туловища,

а у других голова на-
фарширована трюфеля-
ми, ароматными, возбу-
ждающими аппетит и
вполне съедобными.

Оправданы ли эти преувеличения? Не противоречат ли они реалистичности изображения?

Реакционная критика пыталась уверить читателей, что Щедрин искажил жизненную правду. «Где этот город Глупов, населённый такими идиотами?» — вопрошал один из оскорблённых «патриотов». По его мнению, Щедрин «написал уродливейшую карикатуру».

Щедрин у карты г. Глупова.
Карикатура.

Но ведь «карикатура бывает двух видов: одна преувеличивает истину... но никогда не искажает её всецело, другая более или менее сознательно уклоняется от естественной правды и соразмерности. Салтыков культивирует только первый род...» — утверждал Тургенев.

Угрюм-Бурчеев

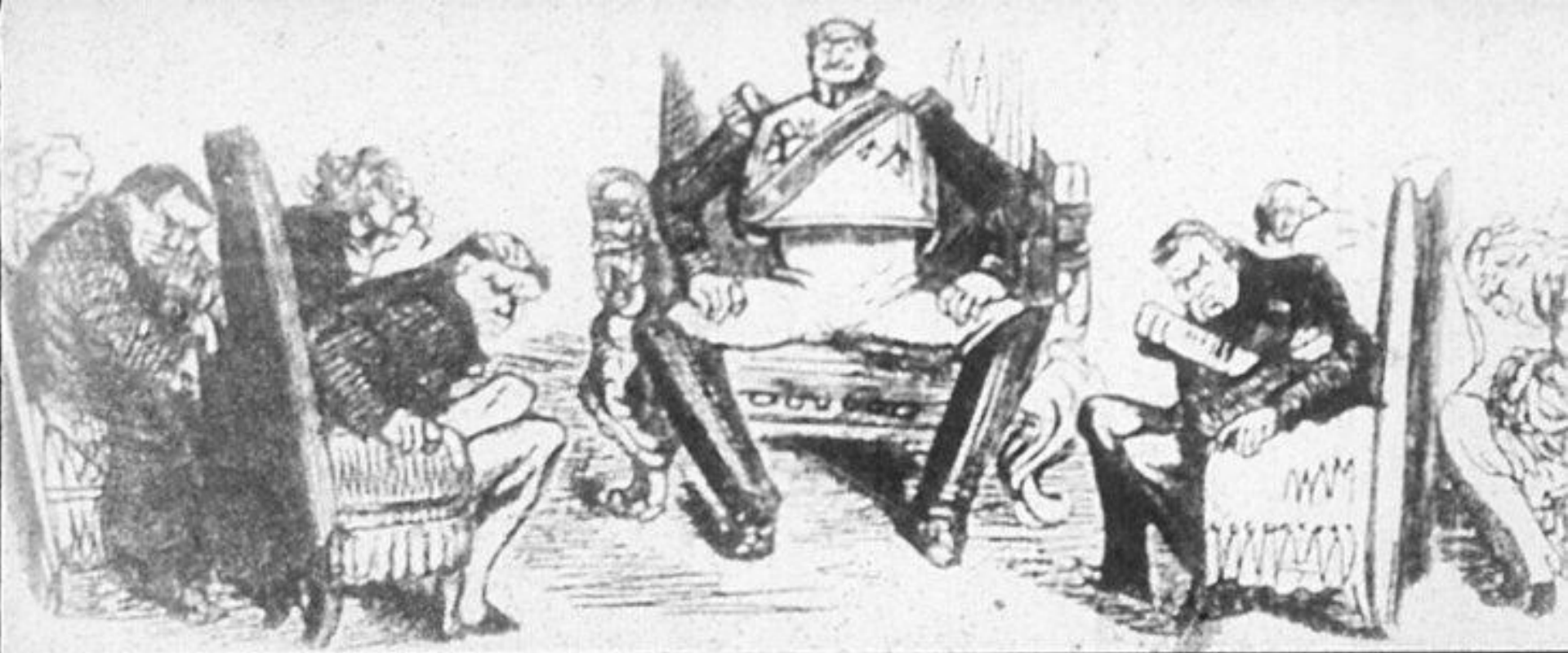
По его словам, Щедрин дал «слишком верную картину русской истории». Особенно выразителен Угрюм-Бурчеев, «в лице которого все узнали злой и отталкивающий облик Аракчеева...»

Угрюм-Бурчеев.

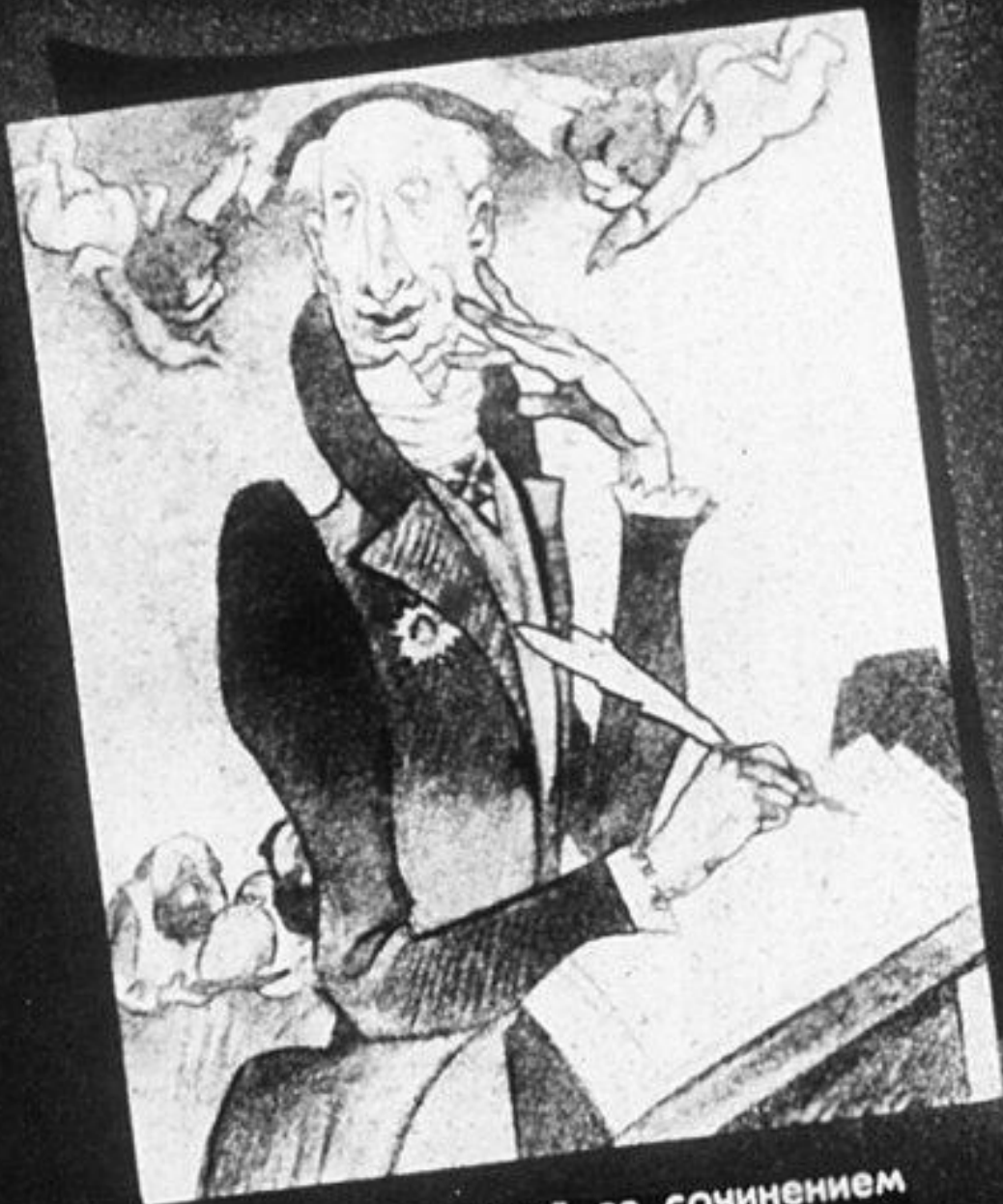

Обучение солдат
в провинциальном городе.

Автор «Истории одного города» пояснял: «Ведь не в том дело, что у Брудастого в голове оказался органчик, наигрывавший романсы: «не потерплю!» и «раззорю!», а в том, что есть люди, которых всё существование исчерпывается этими двумя романсами».

Николай I и его министры.

И российская действительность часто подтверждала реальность щедринских предположений. «...Издаётся постановление, в силу которого губернаторам предоставляется право писать законы... Так-то жизнь иногда идёт на перебой самой невероятной сатире», — писал Щедрин.

Беневоленский за сочинением «Устава о добропорядочном пирогах печени».

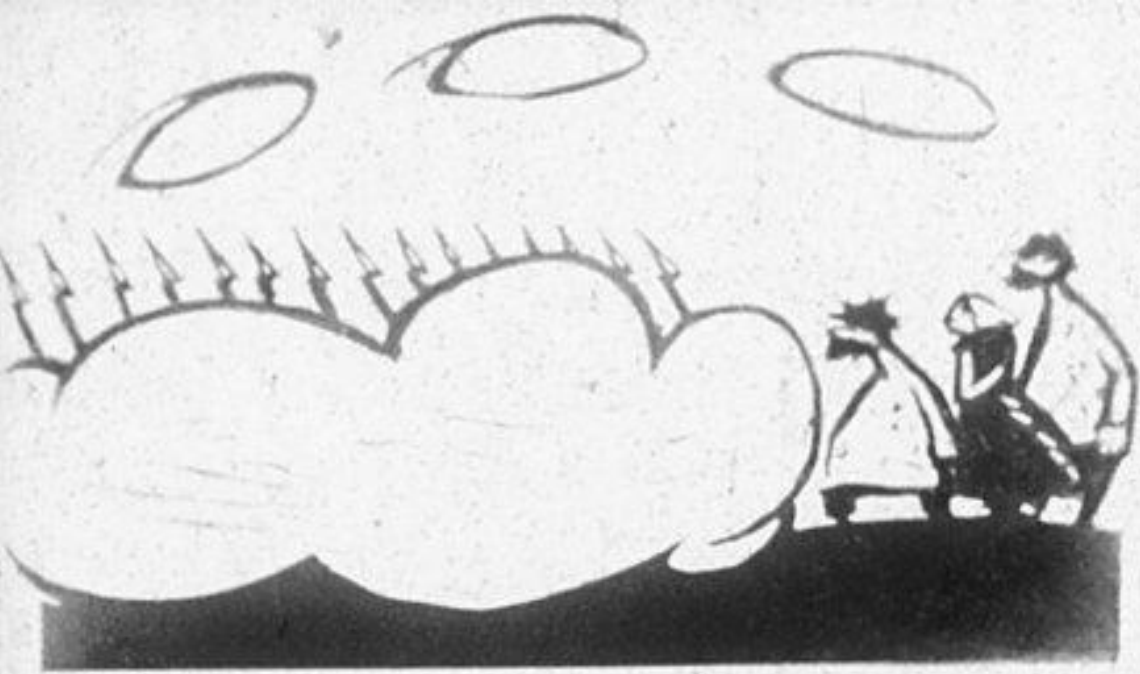

Как же в условиях жесточайшего цензурного гнета донести до читателя сокровенную мысль?

Статья до и после цензуры.

Одно из «обманных средств» — «...особенная... манера... которая может быть названа Езоповскою, — манера, обнаруживавшая замечательную изворотливость в изобретении оговорок, недомолвок, иносказаний...»

Насколько Щедрин владел этим «сложным маскарадным обрядом»?

Один из примеров, показывающих, как умело Щедрин пользуется ино-сказанием. «Густое облако пыли», явственнее «Ту-ру! ту-ру!», вылетающее «из внутренностей пыльного облака», — и нет необходимости упоминать о карательном отряде.

Заключительные строки романа: „...раздался треск, и бывший прохвост моментально исчез, словно растаял в воздухе“, — достаточно ясно намекают на те силы, которые способны повернуть колесо истории.

«История прекратила течение своё».

Раскройте смысл следующих выражений из сказок Щедрина: «ко-
няга», «пустоплясы»
(«Коняга»); «привести
к одному знаменате-
лю» («Медведь на вое-
водстве»).

А. В. Луначарский писал, что «тончайший и ядовитейший анализ русской общественности и государственности Щедрина умел виртуозно сдвигать в забавные маски...»
Расскажите о жанровых масках в произведениях Щедрина.

Конец

Диафильм по литературе для 9 класса
сделан по заказу
Министерства просвещения РСФСР

Автор Л. Зельманова
Художник-оформитель И. Петрова
Редактор Л. Книжникова

Студия «Диафильм», 1969 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7
Д-281-69

Чёрно-белый 0-20